

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ СЕЧЕНОВ

СТУДЕНТ И ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1829—1905)

Армейский офицер Иван Сеченов, окончивший Главное инженерное училище в Санкт-Петербурге, был назначен в саперный батальон в Киев. Здесь он влюбился в двадцатилетнюю дочь ссыльного польского врача. Впоследствии он назвал ее благодетельницей за то, что она вдохновенно рассказала ему о Московском университете, высокой миссии врача и профессоре этого университета Тимофее Грановском — обличителе бесправия и светоче науки. Она не знала, что именно в это время страх перед грянувшими на Западе революциями ужесточил в России надзор за интеллигенцией и Грановский писал: «Благо Белинскому, умершему вовремя».

Молодой офицер, подав в отставку, выбрал Москву и университет. Москва встретила его неприветливо. На городской заставе нужно было предъявить паспорт. Возвращая его, старый чиновник покачал головой и попенял ему: «Эх, господин прапорщик, послужили без году неделю да и в столицу прожигать родительские денежки»¹.

Первые два года учебы принесли разочарование. О них мы мало знаем, кроме сближения Сеченова с кружком молодежи, которая группировалась вокруг Аполлона Григорьева — известного литературного критика, таланта трагической судьбы.

Он не был, вспоминал Сеченов, — «ни врагом западников, ни отъявленным славянофилом, поклонялся лишь нравственным доблестям русского народа».

Среди университетской молодежи он славился организатором кутежей, в которых участвовал и Сеченов. Не случайно Сеченов, занявшись научным исследованием, выбрал в качестве темы «физиологию алкогольного опьянения», в связи, как он сам писал, с «ролью водки в русской жизни». На четвертом курсе он взялся за ум и стал серьезно заниматься физиологией. Его учителем был Иван Тимофеевич Глебов. Говорили, что Сеченов «народился на его лекциях». Это был самобытный ученый, считавший важнейшей задачей науки изучение мозговой системы, ибо она «служит животным для той цели, чтобы с ее помощью познавать качества вещей, находящихся вне их, и тем самым так или иначе определять свое отношение к вещам»².

Попытка физиолога исследовать мозг в те времена считалась бесперспективной. Это, говорил великий немецкий физиолог Карл Людвиг, ставший впоследствии учителем и другом Сеченова, все равно, что изучать механизм часов, стреляя в них из ружья. Тем не менее вопрос о физиологии мозга оставался для Сеченова

¹ Сеченов И.М. Автобиографические записки. М., 1945. С. 45.

² Избранные произведения русских естествоиспытателей первой половины 19-го в. М., 1959. С. 284.

одним из главных, так как еще на университетской скамье он глубоко заинтересовался вопросами философии и психологии. Над ним посмеивались, когда он объяснял приписываемый Гегелю афоризм, что «свет и тьма одно и то же».

Его любимым психологом стал Э. Бенеке, который требовал превратить психологию из умозрительной в опытную науку. Правда, потом Сеченов скажет, что Бенеке в опытных, естественных науках понимает не более китайского императора.

Во всяком случае в университете студента медицинского факультета Сеченова знали как серьезно интересующегося психологией. Более того, из сохранившихся писем мы узнаем о его, как он писал, «московской страсти» к философии (психология, как известно, считалась разделом философии) и о плане создания особой психологии, которую он называл медицинской.

Таким образом, из Московского университета Сеченов вышел не только и не столько физиологом, сколько молодым энтузиастом создания новой психологии, основанной на опыте и учитывающей, как учил И.Т. Глебов, функции мозговой системы.

Пройдут годы. Сеченова назовут отцом русской физиологии. И это верно. Именно им была создана первая в России серьезная физиологическая школа, получившая мощное развитие. Но в не меньшей степени он был и психологом, основоположником учения о психической регуляции поведения. Стал же он психологом в стенах Московского университета. Между прочим, его не оставили при факультете на кафедре физиологии по тем мотивам, будто он (как заявил хитроумный немец-декан, хотевший припасти это место для своей креатуры — другого немца) занимался не физиологией, а психологией.

Получив часть скромного материнского наследства (кстати, мать его была из крестьянок), Сеченов на четыре года уехал за границу (в Германию, где в лабораториях утвердилась самая прогрессивная по тем временам физико-химическая школа в физиологии). Вернулся

он в Петербург (по инициативе своего учителя И.Т. Глебова) на кафедру физиологии обновленной Медико-хирургической (впоследствии Военно-медицинской) академии, где и начал, как потом говорил И.П. Павлов, «нашу родную физиологию». Но интерес к психологическим вопросам у него не гас, и его главное открытие в физиологии, а именно открытие центрального торможения (т. е. задерживающего влияния центров мозга на рефлексы), явилось важнейшим событием не только в физиологии. Оно было вдохновлено психологическим замыслом, а именно установкой на то, чтобы объяснить механизм сознания и воли. Волевого человека отличает способность противостоять нежелательным импульсам, действовать вопреки им по собственной программе. А это, согласно Сеченову, достигается включением тормозных центров. Кроме того, задержанное этими центрами действие не исчезает. Оно как бы уходит в глубь мозга и там сохраняется в форме мысли. Основываясь на этих идеях, Сеченов предложил первый в истории науки *план построения новой, объективной психологии*. Прежде считалось, что психологические (или душевные) явления может познать лишь тот, кто способен наблюдать за ними изнутри. Ведь, как говорится в поговорке, «чужая душа — потемки». Согласно ж Сеченову, внутренний план поведения человека можно познать с помощью таких же объективных методов, какими наука изучает другие формы жизнедеятельности. Впервые в истории науки Сеченов разработал *программу построения объективной психологии*. Решающим моментом являлось отклонение версии о познании как «непосредственно опыте» субъекта. В противовес этому доказывалось, что знание человека о своем психическом мире является столь же не опосредственным, как и о физическом мире. Как писал Пушкин: «Ведь каждый день пред нами Солнце ходит, однако ж прав упрямый Галилей». Наука открыла законы движения планет, но Землю мы воспринимаем как неподвижную. Законы движения познаются только опосредованно, а неподвижность Зем-

ли — непосредственно нами ощущается. Однако это иллюзия. Сказанное относится и к восприятию психических явлений. Одно дело их прямые переживания, все то, что говорит о них голос сознания, «внутреннее зрение», другое — законы, порождающие эти переживания. Их можно открыть только сложным косвенным путем, подобно тому, как астрономия изучает движение планет. Поэтому, согласно Сеченову, позиция психолога должна быть аналогичной позиции астронома. Это было воистину революционным событием в истории психологии.

По версии, пользовавшейся в те времена непререкаемым авторитетом у исследователей психической жизни, именно непосредственность ее сознания (или переживания) служит той гранью, которая навсегда отделяет явления этой жизни от остальных явлений бытия. Сеченов полагал, что иллюзия непосредственности психики возникает как продукт позднего развития субъекта. Этой фазе предшествует история действий ребенка по овладению окружающим миром. Психически регулируемые действия напоминают рефлексы в том плане, что их первопричиной служат прямые контакты организма с объектами внешнего мира. Таковы все акты ребенка (умение смотреть, слушать, осязать, ходить, управлять движениями рук и др.). У ребенка же возникают и элементы мышления. Сперва это мышление является, как говорил Сеченов, предметным. Ребенок мыслит о воспринимаемых им конкретных предметах, устанавливая отношения между ними и делая выводы (умозаключения) в процессе своих действий. Из внешних, объективно наблюдаемых, они благодаря механизму торможения «уходят внутрь», сохраняясь в головном мозге с тем, чтобы вновь ожить и направлять поведение ребенка в новых ситуациях. Это же относится и к формированию его личности, его представлений о себе как источнике действий. «Сперва, — указывал Сече-

нов, — ребенок делает тьму движений с чужого голоса, по приказанию матери или няньки, образы последних должны представляться ему какими-то роковыми силами, вызывающими в нем действие»³. Затем, по образу людей, регулировавших своими командами его действия в первую пору жизни, ребенок выкрикивает представление о самом себе как внутреннем центре, откуда теперь исходят собственные команды. Это был новаторский подход к вопросу о том, как соотносятся между собой внешние действия человека и его внутренние психические акты. Внешнее является первичным. В приведенном примере внешние указания других людей управляют поступками ребенка. Но с возрастом он начинает ставить себя на место взрослых и заменяет их образы собственным, утверждая себя в качестве такого же «автора» поступков, какими прежде реально являлись его родители. Этот процесс преобразования внешнего во внутреннее получил имя «интериоризации» (от лат. «интериор» — внутренний). Он стал одним из важных принципов объяснения того, как возникает внутренний план поведения из внешних действий.

Сеченовский ответ на вопрос, как разрабатывать психологию, радикально отличался от решения этого вопроса в ведущих лабораториях Западной Европы. Изучать, доказывал он, следует не замкнутое в себе сознание и «нити» (элементы), из которых соткана его ткань, а поведение целостного организма, которое подобно рефлексу в том отношении, что состоит из трех основных звеньев: восприятия внешнего объекта, который действует на этот организм, преобразования этих воздействий в центрах и ответного мышечного действия. Но ведь последнее не является безразличной к тому, что совершается во внешней среде, простой двигательной реакцией. Оно определенным образом организовано и сообразуется с

³ Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1942. С. 305.

Новое здание университета на
Моховой улице. Архитектор Е. Тюрин.
1833—1836 гг. Фото 1890-х гг.

особенностями этой среды, о которых способно получить информацию опять-таки благодаря «подсказке», идущей от воспринимающих эту среду органов чувств, одновременно сообщая в центр, правильно ли выполнена отправленная оттуда команда. Стало быть, если понятие о рефлексе, о котором на первых порах задумывался Сеченов, ища ключ к реформе психологии, представляло собой некое подобие «дуги», то теперь психический акт приобрел облик «кольца». А это неотвратно означало саморегуляцию. Ведь обычный рефлекс (такой, скажем, который изучает у нас невропатолог с помощью молоточка) возникает только при внешнем воздействии на организм и завершается с прекращением этого воздействия, в случае же рефлекторного «кольца» завершение движения само дает импульс новому движению и т. д.

Сеченов разработал комплекс идей, ставших «корневой системой» множества отечественных научных школ и направлений. Его идеями жили не только специалисты — люди науки. Вся передовая часть русского общества восприняла разработанные им воззрения на человека и его психику как единственно научные. Сеченов работал тогда в Петербурге, но оставался властителем дум и за пределами первой столицы.

Показателен в этом плане один из эпизодов в жизни Московского университета.

Немецкий философ Г. Струве в 1870 г. представил на историко-филологический факультет Московского университета (где деканом был известный противник Сеченова философ П.Д. Юркевич) свою диссертацию «О самостоятельном начале душевных явлений». Когда перед защитой она в виде брошюры появилась в книжных магазинах, слух о ней пронесся по всей Москве. Профессор С. Усов писал: «Ни одна из диссертаций не производила такого шума, диссертации обсуждались только тесным университетским кружком, а в публике и в газетах о них и речи не было.

Диссертация Г. Струве — явление совсем иное. Чуть не во всех уголках первопрестоль-

Панорама Москвы 1912 г.

ной Москвы толкуется о ней»⁴. Струве писал, что «материализм находит сочувствие лишь в полуобразованной толпе», а свой критический огонь сосредоточил на Сеченове, утверждая, будто русский ученый объясняет душевные явления на «основании мозговых рефлексов, т. е. большего или меньшего укорочения какой-нибудь группы мышц, акта чисто механического»⁵. Струве поставил Сеченова в один ряд с вульгарными материалистами. И этот просчет ему дорого обошелся. Его изобличили в полном невежестве, а один из критиков прямо заявил: «Брошюра Г. Струве служит выражением величайшего неуважения

к познаниям и развитию русского общества и русской жизни»⁶.

Московская профессура (зоолог С. Усов, математик Н. Бугаев и др.) и московское студенчество, не будучи физиологами или психологами, высмеяли незадачливого немецкого автора, решившего «разделаться» с работавшим в Петербурге Сеченовым. По поводу защиты появился ряд брошюр и множество газетных статей, говоривших о том, что для московской интеллигенции не было безразличным, что именно исповедуется за университетскими стенами. Сеченов незримо присутствовал и на многочасовой защите

⁴ Усов С. По поводу диссертации Г. Струве. М., 1870. С. 1.

⁵ Струве Г. Самостоятельное начало душевных явлений. М., 1870. С. 29.

⁶ Аксаков Н. Подспудный материализм: По поводу диссертации-брошюры г-на Струве. М., 1870. С. 38.

и во всех «уголках первопрестольной» как носитель передовых научных идей, отстаивать которые считали своим нравственным долгом все, кому были дороги интересы русской науки.

В 1888 г. Сеченов переехал из Петербурга в Москву. Здесь произошло важное в его личной жизни событие. В 60-е гг. он состоял в гражданском браке с Марией Александровной Боковой. Ходили слухи, что Н.Г. Чернышевский, изображая в своем романе «Что делать?» семейные отношения «новых людей», имел перед глазами фактический брак И.М. Сеченова с М.А. Боковой, официально значившейся женой популярного петербургского врача, приятеля Сеченова — П.И. Бокова. Фиктивные браки в те времена были формой защиты женщинами своей независимости.

Надежных сведений, касающихся четы Сеченов — Бокова, нет. Но достоверно известно, что, переехав в Москву в феврале 1888, они обвенчались в Благовещенском соборе. Следующий, 1889, год знаменателен тем, что Сеченов был избран от России одним из почетных председателей I Международного психологического конгресса в Париже (хотя в России его тогда как психолога не воспринимали). В это же время Илья Репин написал знаменитый портрет Сеченова, который хранится в Третьяковской галерее. Осенью того же года Сеченов приступил к чтению приват-доцентских лекций в университете, а также цикла лекций в клубе московских врачей. «Я как бывший воспитанник Московского университета, — говорил он, — чувствую себя в самом деле счастливым, что имею, наконец, возможность послужить родно-

му университету». Что касается лекций, которые он читал в клубе врачей на Большой Дмитровке, то они привлекали не только специалистов-медиков. Хотя лекции были платными, количество слушателей превысило несколько сотен человек и гонорар оказался столь велик, что у Сеченова, как он вспоминал, «зародилась мысль устроить в Москве на заработанные средства маленькую лабораторию». Однако его замыслам тогда не удалось осуществиться, и только когда в 1893 г. было открыто новое здание Физиологического института, он организовал экспериментальную работу. И на факультете, и в клубе врачей сеченовские лекции пользовались огромным успехом. Сам он писал жене: «Лекциями моими публика, должно быть, довольна, потому что до сих пор желающих слушать было более, чем мест».

В этих лекциях был обобщен огромный эмпирический материал на основе новаторского объяснительного принципа, который Сеченов обозначил как «согласование движения с чувствованием». Причем само чувствование трактовалось им не как субъективно переживаемое состояние, а как сигнал, позволяющий различать внешние условия и в соответствии с этим строить и преобразовывать действия, непрерывно учитывающие образ воспринимаемой среды. К этому следует присоединить оригинальную трактовку Сеченовым мышечного чувства — как своеобразного орудия сравнения, анализа и синтеза свойств окружающих организм объектов.

Этот новаторский подход был заложен уже в работе Сеченова «Элементы мысли», опубликованной в 1878 г. в журнале «Вестник Европы» (в петербургский период сеченовского творчества).

В Москве Сеченов возвращается к этой фундаментальной психологической работе. Коррективы, внесенные им в новое издание «Элементов мысли», свидетельствуют о том, что в московский период важное место в его творческой работе заняло обсуждение ключевых гносеологических вопросов, касающихся отношений между познанием (как чувственным, так и

умственным) и реальностью. Он выступил как бескомпромиссный критик агностицизма. Сеченов опубликовал цикл статей, касающихся отношений между впечатлениями (психическими образами) и действительностью, субъективным и объективным в составе знаний, роли слова как орудия построения отвлеченной мысли и др. Все эти положения были направлены против идеалистических и позитивистских установок, которые на рубеже века получили широкое распространение как в отечественной, так и в зарубежной науке.

В московский период своего творчества, как ни в какой другой, Сеченов был поглощен анализом коренных проблем методологии научного познания. Своеобразие его позиции определялось тем, что он шел не от философских постулатов и соображений, касающихся природы научной мысли, к конкретным естественнонаучным представлениям, вырабатываемым посредством этой мысли (ее теориям, фактам и др.), а в противоположном направлении. Экспериментально полученные данные, касающиеся психофизиологического аппарата человека, он использовал для объяснения того, как устроено и функционирует теоретическое мышление. Не умозрительное, а проверенное естественнонаучным опытом мышление должно было пролить свет на само это умозрение.

Для натуралиста, привыкшего доверять опыту, это было бы куда убедительнее, чем сложные философские конструкции. Уму натуралиста и были адресованы сеченовские послания этого периода.

В январе 1894 г. его речью открывалось общее собрание 9-го съезда русских естествоиспытателей и врачей.

Чему же была посвящена его речь перед этой далекой от философских споров аудиторией? Предметному мышлению с физиологической точки зрения. А как красиво он открывал этот съезд, на который собрался цвет русской науки!

«Так как мы собрались здесь на праздник научной мысли, то я нашел уместным избрать

предметом нашей беседы вопрос о мышлении»⁷.

Если к тому же вспомнить исторический контекст, в котором Сеченов повел свою беседу (отличался же этот контекст тем, что на философской сцене доминировали различные варианты идеализма), то еще более отчетливо выступит роль Сеченова как учителя-наставника поколений русских естествоиспытателей и врачей, формировавшего их образ мыслей. Специально он остановился на критике Канта. Сеченов утверждал, что Кант и его последователи стали жертвой иллюзии, когда приписали априорность восприятию времени и пространства. Ибо органом познания пространственно-временных отношений являются мышцы, сигналы которых столь незаметны и темны, что до сознания не доходят. Именно поэтому их незаметная, «темная» информация и представляется независимой от опыта — априорной.

Подчеркивая этот аспект творчества Сеченова, следует иметь в виду, что все же главное место в его жизни занимала экспериментальная работа. По свидетельству его ближайшего ученика Н.Е. Введенского, «экспериментальная деятельность в лаборатории составляла главное содержание жизни И.М. Сеченова. Обыкновенно с девяти часов утра он был уже на своем посту экспериментатора и проводил здесь целый день до обеда». И так изо дня в день.

Его экспериментальные работы в рассматриваемый период были посвящены в основном изучению закономерностей растворения, связывания и переноса углекислого газа кровью. Но естественно, что, возглавляя кафедру физиологии, он этим ограничиться не мог. Для лекционных демонстраций была введена должность лекционного ассистента, которую занял А.Ф. Самойлов — будущий выдающийся русский электрофизиолог. Позволю процитиро-

вать его первые впечатления о встрече с Сеченовым: «Обаяние его имени я чувствовал, конечно, как и все другие, очень сильно... и возможность встречи и знакомства привлекала меня чрезвычайно. Внешний его облик, манеры, его обращение, какая-то значительность всего его разговора соответствовали тому образу, который сочетался у меня с этим обаятельным именем Сеченова. Если я скажу, что я увидел старика среднего роста, крепкого сложения, сухого, с лицом в легких рябинах..., то такое описание даст мало. Сеченова нужно было видеть! Его глаза и острый их взгляд не передаются словами. Он очень ценил доброту в других, он был и по существу своему добрым человеком, но его вспыльчивость, воспламеняемость, мнительность мешали ему всегда удерживаться на уровне природной доброты. Он умел быть временами очень строгим. Он был по своему прекрасен в моменты строгости, суровости, в моменты гнева и негодования, которые прорывались в нем особенно в случаях оценки несправедливости властей. Глаза его поистине метали искры».

Все, кому посчастливилось слушать сеченовские лекции, отмечают его особое педагогическое мастерство.

«Лектора с такими дарованиями, — вспоминал впоследствии Самойлов, — я никогда ни раньше, ни позже не встречал».

Наряду с университетскими лекциями И.М. Сеченов прочел большое количество публичных лекций, которые, по справедливой оценке нашего выдающегося физиолога Н.Е. Введенского, «имели глубокое образовательное значение для русского общества».

С огромным энтузиазмом он соглашался читать бесплатно лекции для рабочих (на известных Пречистенских курсах). После этих лекций он, по воспоминаниям друга их семьи, известной певицы Н.В. Неждановой, «возвра-

⁷ Сеченов И.М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 375.

А.В. Нежданова

шался домой поздно вечером, всегда бодрый, оживленный, в прекрасном настроении духа.

Когда мы, все его близкие, высказывали опасения, что лекции плохо отражаются на его здоровье, Сеченов уверял, что работа, наоборот, доставляет ему огромное удовлетворение и радость, что она приносит здоровью одну пользу».

Сеченовские лекции для московского рабочего люда, о котором он восторженно отзывался, — уникальный пример, когда всемирно известный ученый систематически обучал аудиторию, не имеющую специальной подготовки и не ставящую себе цель получить университетский диплом.

Работа Сеченова на этих курсах была запрещена властями. Даже в обучении физиологии

власти увидели крамолу, тем более что профессор постоянно подписывал петиции в защиту ими преследуемых.

Демократизм Сеченова сказывался и в тематике научных исследований, в частности, в определении физиологических критериев рабочего дня (Сеченов доказывал, что он не должен превышать 8 часов) и изучении рабочих движений. Нити его теоретических изысканий неизменно протягивались к практике. Так, изучение газообмена привело Сеченова из лаборатории в реальные условия деятельности человека. Он объяснил причины гибели аэронавтов, поднявшихся на воздушном шаре. Его выводы положили начало авиационной физиологии.

Он любил Москву, был тесно связан с ее различными социальными кругами. О связи с рабочим людом мы уже говорили.

Особенно внимательно он относился к нуждающейся молодежи, притом не только университетской. Нежданова вспоминала, что стоило ей только сказать о каком-нибудь нуждающемся ученике консерватории, как тотчас Иван Михайлович узнавал его адрес и по почте, не называя своей фамилии, оказывал посильную помощь.

Квартира Сеченовых находилась на Пречистенке, Полуэктовом переулке, куда с удовольствием приходили артисты. Дома устраивались музыкальные вечера, на которых исполнялись произведения Глинки, Даргомыжского, Чайковского.

Подавая прошение при переезде из Петербурга на работу на медицинском факультете Московского университета, Сеченов писал: «Выражаю желание посвятить остаток сил служению Московскому университету». А его учитель — великий немецкий физиолог Карл Людвиг, узнав о переезде Сеченова в Москву, написал ему: «Живя и преподавая в Москве среди любимого Вами народа и имея прекрасных коллег, Вы вступаете в новую эру, более богатую и счастливую, чем все предшествующие».

Сам же Сеченов в одном из писем сообщал о своем московском житье-бытье: «Я чувствую себя здесь счастливее и лучше, чем где бы

Е.Н. Домрачева, М.А. Сеченова,
И.М. Сеченов, А.В. Нежданова

то ни было. Дело в том, что я всегда любил Москву и Московский университет, а к этому прибавилось сверх того сознание, что здесь я приношу пользы вдесятеро больше, чем в Петербурге, да и в рабочем отношении обставлен лучше, чем там».

Москва ответила Сеченову любовью. Это были и рабочие из-за Бутырской заставы, приходившие после тяжелого трудового дня слушать его лекции, и студенты, переполнявшие аудиторию, если там читал Сеченов, и курсистки из консерватории, неожиданно получавшие материальную помощь от неизвестного им человека, и драматург Островский с его трактатом о том, как обучать актеров «по Сеченову», и знаменитый доктор С.П. Боткин,

и другая знаменитость — доктор С.С. Корсаков, опиравшийся на сеченовское учение, и многие безвестные поклонники великого ученого, прославившего, как писал впоследствии его преемник И.П. Павлов, русскую мысль в мировой науке.

Величие Сеченова не только в высоте полета его мысли, но и кристальной нравственной чистоте личности. Об этом в связи со столетием со дня его рождения И.П. Павлов писал: «Без Иванов Михайловичей, с их чувством собственного достоинства и долга, всякое государство обречено на гибель изнутри, несмотря ни на какие Днепрострой и Волховстрой».

М.Г. Ярошевский